

Вера Лаврина (Правда)

ОТ "ПОУЧЕНИЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА" К "ПОУЧЕНИЯМ" ИВАНА ГРОЗНОГО (Самосознание русских самодержцев)

Отстоящие друг от друга более чем на четыре столетия произведения русского князя Владимира Мономаха и царя Ивана Грозного дают уникальную возможность сравнительного анализа их самосознания и умонастроений. Существовая в контексте одной культуры – древнерусской – и одной парадигмы – православия, – они, тем не менее, представляют разные этапы этой культуры, позволяя судить о направленности развития, степени преемственности и новизны. Кроме того, написанные яркими представителями своего времени, эти произведения сами по себе помогают реконструировать духовный мир человека средневековья.

Киевский князь Владимир Мономах (1055-1125) оставил после себя добрую славу, достойно справившись со своим княжеским делом. Киевляне посадили его на великокняжеский стол из уважению и любви, в обход старшинства. Князю удалось удержать центробежные силы в Киевском государстве накануне его окончательного распада.

«Поучение Владимира Мономаха» обращено не только к сыновьями, но к самому широкому читателю – "людям божьим". Оно распадается на две части. Первая – это наставление в духовной жизни, вторая – своеобразная автобиография князя.

Духовные наставления Владимира Мономаха выдержаны в задушевной манере. Они во многом повторяют общие для христианской этики места, хотя некоторые из них по-своему толкуются князем. Так, он настаивает на первостепенности малых дел и вторичности и даже бесплодности аскетики: "Ни затворничеством, ни монашеством, ни недоеданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость божью"[1. С. 151]. Причем, "дела" понимаются отнюдь не в современном смысле этого слова, как деятельность, направленная на внешнее.

дела – это "покаяние, слезы, милостыня" – внешнее неотделимо от внутреннего и не направлено на преобразовательскую деятельность (маниакальную жажду современной цивилизации), но имеет целью духовное преобразование личности.

Автобиография князя, видимо, и должна была продемонстрировать верность христианским принципам. "Уча, учи поступками, а не словами" – это изречение князь мог прочесть в сборнике древнерусских афоризмов «Пчела».

Свою жизнь князь понимал как служение, исполнение княжеского долга. Находясь с 13 лет в ратных делах, князь не даром ел свой хлеб, и нередко

этот хлеб был горек. Вместе с дружиной он не только терпел стужу, жару и голод, но и постоянно рисковал жизнью, здоровьем. Автобиография князя сводится к длинному перечню его походов, которых, как указывает князь, было более 80. Надо отдать должное скромности князя, великими среди них он называет только три. Обращает на себя внимание некая монотонность, с которой описываются походы. Видимо, срабатывает привычка воина к бесстрастности, он редко, в исключительных случаях поддается эмоциям. В скупых описаниях походов погони, преследований есть суровый жесткий реализм. Князь чувствует себя орудием ведущей его высшей силы: "И Бог нам помог" – это не идиома, а выражение глубокого убеждения князя в покровительстве божественной силы. Чувствуется уверенная гордость князя в том, что он прожил трудную, но достойную жизнь. В состоятельности своей судьбы Мономах видит милость божью, которой хранилась от смертных опасностей его жизнь.

Он шел путём божьим, хоть и был, как признается, грешным и ничтожным (этикетное для человека средневековья высказывание): "Ни хвалю я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость его". Князь и упоает на то, что грамота его побудит к добрым делам во славу божью.

Привыкшему к высокомерному тону русских самодержцев современному читателю, наверное, покажутся необычными та теплота и задушевность, с какими князь обращается к подданным: "божьи люди", "дети мои", "братие", тогда как у Ивана Грозного, как увидим ниже, мало находится слов для обращения к подданным, кроме "рабы и холопы"¹. Великий князь Владимир Мономах не чувствует своего собственного величия и избранничества. Он, если верить ему, берясь за «Поучения», испытывает нечто наподобие робости, боится показаться смешным или слишком хвастливым. Дистанция между великим князем и божьим человеком кажется минимальной. Жизнь князя была таковой, что частые походы лишали ее комфорта, подвергали опасностям. Он голодал и мерз как простой смерд.

В автобиографической части "Поучения" князь чаще всего ведет рассказ от имени "мы". Это "мы" не выражение особого почтения к себе, наподобие позднейшего "Мы, Николай Вторые", а понимание своей нераздельности, единства со всем дружинно-княжеским сообществом. Князья Киевской Руси чувствовали себя братьями, и в большинстве случаев, действительно, являлись таковыми. Обращение "братие" отражало реальное родство между представителями рода Рюриковичей. То первенство, которое получал великий князь по праву старшего в роду, занимая Киевский стол, не возносило его слишком высоко над другими князьями. Он был первый, точнее старший среди равных .

¹В письме Алексея Михайловича своему думному боярину Ордину-Нащокину «тишайший царь» награждает своего верного слугу многими высокими эпитетами: "верный", "избранный", "христолюбец", "трудолюбец и нищелюбец", но, тем не менее, тот остается, совершенно естественно, "рабом божьим и государевым» [1. 573].

Тон великого князя по отношению к удельным князьями лишен высокомерия и величия, которые характерны стали для русских царей, начиная с XV века. Так, Владимир Мономах, будучи уже великим князем, в письме к двоюродному брату Олегу Святославовичу с укоризной замечает (текст письма приводится в "Поучении"): "Но сам рассуди, мне ли более достойно послать к тебе или тебе ко мне?". И все-таки он первым вступает в переписку с обидевшим его удельным князем.

С точки зрения современных стереотипов естественно было бы встретить в "Поучении" князя наставления в правильных методах государственном управлении, некую перспективную программу для преемников, словом то, что мы называем политическими идеями. Однако, именно это отсутствует в "Поучения" великого князя, как и во всей древнерусской литературе. В.О. Ключевский даже обвинял киевских князей в узости и скудости их политического сознания. Его содержание, как считает ученый, сводилось к двум идеям: оборона земли и служба, оборона земли была их политической обязанностью, а служба давала им право корма. Как показал В.О.Ключевский, единовластие до половины IX века было политической случайностью, а не порядком. Он пришел к выводу о родовом подвижном порядке правления Русью всем княжеским родом со старшим во главе [2. С. 179-180]. Может быть, даже можно говорить, как представляется, о своеобразной родовой княжеской демократии - "княжекратии".

На примере "Поучения" вычленяется более сложная система представлений князей о себе и о своем долге. Обвинять их в политической узости, в нерасторопности и бестолковости, неспособности к переменам (а такие обвинения у В.О.Ключевского есть [2. С.187]) все равно, что стыдить древних киевлян за отсутствие у них машин, телефонов и компьютеров. Как показывают наши наблюдения, в тот период политические методы, способы, цели управления не вычленялась как самостоятельная форма сознания, они не стала объектом рефлексий. Это очень хорошо видно на примере "Поучения Владимира Мономаха". Обратим внимание на одну странность: в описании походов Мономахом не заявляется и не вырисовывается никакая направленность, часто вообще не объясняется цель и причина походов. Политика не является самостоятельным предметом анализа. Казалось бы, постоянные усобицы, угроза распада государства могли натолкнуть на мысль о политическом неблагополучии и подвигнуть к какой-либо аналитической работе в этом направлении, как того требовал В.О.Ключевский. Однако ни в одном из известных нам памятников Древней Руси нет того, что мы называем политическими или просто перспективными программами. Взгляд средневекового человека направлен не вперед, а назад. Со стариной и обычаями предков сверял он свою деятельность и свои дела. Эту особенность мироощущения человека средневековья можно назвать своеобразным ретроспективизмом. Она формировалась не только православием, видевшим источник священных христианских традиций в прошлом, идущим от воплощения Христа (православие заказывало так же не заглядывать в завтрашний день), но и тем культом отцов, предков, уходящим в язычество.

Кроме того, социокультурная материя менялась очень медленно. Многие поколения обозревали один и тот же культурный ландшафт, который казался неизменным.

Динамизм современного развития изменил наше мироощущение. Нами повелевает будущее, мы напряженно всматриваемся в его смутные очертания, стараясь обойти его опаснее повороты. Человек средневековья ориентировался на "путь отцов". О "пути дедов и отцов", с которым сверяются современные реалии, говорит и Владимир Мономах. Общественная жизнь регулировалась традицией. Сама давность традиции была признаком ее верности. Данность как таковая была оправдана традицией. Причины нестроения в государстве – распри между князьями, усобицы – Владимир Мономах видит вовсе не в особенностях общественного устройства. Он сокрушенно признает, что войны между братьями были и при "умных дедах" и при "блаженных отцах" [1. С. 168]. Корень зла лежит не в характере устройства общества, а в душе человеческой, подпадающей под власть дьявола.

Однако пессимистический взгляд на неизбежность усобиц не пресекал желания преодолеть их. Летописи полны призывов к согласию, и сами князья предпринимали много попыток к объединению. Эта общерусская тяга очень медленно, но верно обуздала центростремительные силы.

Поэтому главный пафос "Поучения" не в политических рекомендациях, а в нравственных заповедях. Мономах на первый план выдвигает христианскую этическую программу, а не принципы политического устройства. В этом он не так уж далек от истины. Самая совершенная государственная машина бездейственна, если создателями ее не усвоены элементарные нормы человеческого общежития. Из такой системы ценностей вытекали мономаховы понятия блага: христоробивый князь и будет всегда проводником блага. Итак, "путь отцов и дедов" в сочетании с христианскими заповедями – вот те социокультурные константы, которые, по представлению князя, были залогом благополучия.

Нельзя обойти вниманием еще одну очень важную составляющую княжеской этики. В широком обиходе она выражена понятием "слава". "Добыть себе чести, а князю славы" – летописная идиома. Этим духом княжеской славы пропитано "Слово о полку Игореве". Не случайно в "Повести временных лет" 103 имени князя из 190 имеет основу "слав". Слава – это не просто доблесть и героизм, бесславен тот, кто позволил иноплеменникам вторгнуться в пределы Руси. Слава – это исполнение долга по сохранности русской земли. Княжеская слава – это понятие коллективное и наиндивидуальное. В древнерусской литературе часто встречается выражение "слава дедов" (например, в "Слове о полку Игореве"), ее можно лишиться, а можно и приумножить. В конечном итоге князья не решили свою историческую задачу. Они лишились славы и независимости, Русь оказалась на два столетия под властью иноплеменников. Независимость ее восстановилась лишь тогда, когда родовая «княжескратия» сменилась наследственным единодержавием московского царя.

Послания Ивана Грозного к Андрею Курбскому, написанные спустя свыше четырехсот лет после "Поучения Владимира Мономаха" тоже близки к жанру поучений. Как изменились с тех пор манера, тон и настроение! Сколько сдержанности, богобоязненности, задушевности и уважения к подданным было в "Поучении Владимира Мономаха», и сколько высокомерия, злобности и даже открытого богоборчества у Ивана Грозного.

В тот период коренным образом изменился социокультурный ландшафт Руси. Родовая "княжескратия" сменилась наследственной монархией. На волне поддержанной всеми слоями общества углубляющейся централизации русские цари сосредотачивали в своих руках все большую власть. В условиях нарастающего конфликта между царем и его княжеско-боярским окружением и был поставлен вопрос о границах царской власти, о ее согласии с истинным православием, об отношении царя к своим подданным.

Эти вопросы были поставлены перед царём опальным князем Андреем Курбским, сбежавшим от царского гнева в Литву. Оттуда он написал царю несколько писем, на которые царь ответил широковещательным посланием, достойным назваться первым манифестом русского царя.

В научной литературе, посвященной этой переписке, в центр внимания обычно ставится вопрос о политических взглядах Грозного и Курбского. Исследователи чаще склоняются к мнению, что и Грозный, и Курбский являются защитниками тех политических реалий, которые уже сложились. Грозный отстаивает идею самодержавной власти, которая уже утвердилась в Московском государстве, Курбский ратует за существование института советников, когда царь ведет дела по наставлению Избранной рады и мудрого окружения [3. С. 170]. Но Боярская Дума к тому времени уже существовала, созывались и земские соборы [4. С. 232-233]. В.О.Ключевский считает, что в переписке столкнулись «не два политических образа мыслей, а два настроения» [5. С 159].

Обученные политической грамоте, мы ищем и в прошлом четких и ясных политических концепций, а находим лишь политические настроения. Этот феномен, как представляется, объясняется тем, о чем мы уже писали: политика не была еще областью рефлексий. Политика во многом связана с образом будущего, с прогнозированием, с представлением о должном в области общественных отношений, а будущее по-прежнему оставалось временем заповедным. Конечно, в эпоху Грозного по сравнению со временем Мономаха наметились изменения, отчетливо сознавалось и понималось, то, что уже сло-жилось, а именно, царь усвоил мысль о единодержавии и со всей страстностью и силой отстаивал эту идею.

На развернутое оправдание своей самодержавной власти Грозного подвигло очень обидное обвинение Курбского в "супротивности" царя и "прокаженности" его совести [3. С. 119]. Слово "супротивный" имело, как замечает исследователь переписки Я.С. Лурье, очень зловещий смысл – дьявольский. Все чрезвычайно обширное первое послание Ивана Грозного посвящено оправданию самодержавия и его самого, как законного представителя этой власти. Самодержавная власть царя является истинно

православной, христианской, доказывает Грозный, так как она издавна существовала в прошлом и идет от самого Владимира Святого (обычный для средневекового мышления способ доказательства: что укоренено в традиции, то оправдано). Поскольку власть им ни у кого не отнята, а досталась ему законно от родителей и прародителей, значит дана ему промыслом божьим. Итак, Грозный имеет божественную санкцию на власть, этим снимается для царя вопрос о нравственном оправдании самодержавия. Грозный решительно выступает против притязаний на власть духовенства и боярства, отстаивая принцип единовластия. Отсутствие единовластия ведет к гибели страны и разграблению ее иноплеменниками, следовательно не может быть благом [3. С. 134].

Послание Курбского заставило царя разрабатывать еще одну важную проблему: отношение к подданным. Курбский обвинил царя в гонениях, жестокостях, бессудных казнях. Он резко осуждал "прелютых и прегордых русских парей", которые советников своих холопами нарицают, утверждая, что цари имеют в послушании свободных, а не холопов.

Действительно, самодержавие, против которого не возражал и Курбский, не означает превращение всех в рабов и холопов. На этом настаивал опальный князь. Тогда как царь во всех без исключения подданных видел рабов. А раз рабы, значит "жаловать своих холопов мы всегда вольны, вольны были и казнить"[3. С. 136, 139], и не судится с ними ни перед кем. Впечатляющая разница между мономаховой "братией" и "государевыми холопами"!

Нет сомнения, что рано или поздно братия превратилась бы в подданных "пресветлого царя". В.О.Ключевский показал этот процесс роста отчуждения между удельными князьями, их одичания, дробления и ослабления их уделов. В таких условиях неизбежно идет борьба за лидерство, в которой вырисовывается фигура будущего царя. Однако сильный отпечаток на взаимоотношения между русскими царями и их подданными наложило татарское завоевание. Замечено, что татарам мы обязаны деспотическим характером русского самодержавия. И действительно, как указывал В.О.Ключевский, данники татар – все русские княжества назывались "улусами; а князья, включая и московского, "холопами вольного царя"[5. С. 41]. Так что еще самодержец русский Иван III до стояния на Угре был холопом. Это азиатское отношение владыки к подданным было очень хорошо усвоено русскими царями и прочувствовано ими, как говорится на собственной шкуре.

Но это крайне пренебрежительное, уничижительное отношение к человеку было чуждо духу христианства, не совпадало с ним. Это не мог не чувствовать Курбский, обвинявший царя в "супротивности". Это не мог не понимать и сам царь. Ему надо было оправдаться в своей жестокости перед подданными и перед властью Небесной.

Грозный избирает привычный для себя способ оправдания: обращение к традиции. Он указывает, что многие русские князья, даже причисленные к

лику святых, поступали по необходимости жестоко со своими подданными. Более того, царь пускается в дерзкий спор с христианскими заповедями, выгораживая для власти право на жестокость, выводя царя из-под "юрисдикции" христианства, безусловности его заповедей. Грозный учреждает особую царскую этику. Он прямо говорит о том, что царь не может и не должен быть смиренным. "Разве достойно царя, если его бьют по щеке, подставлять другую?" Он признает, что это заповедь, но для царя она есть бесчестие.

Грозный пытается перекрыть христианские заповеди с поправкой на царскую власть. Чем не богоборческий бунт? Для спасения души одни заповеди, а для царя – другие: царям следует быть иногда кроткими, иногда жестокими. Добрым – кротость, злым – жестокость и муки, царь сам решает, где зло, где добро. Таким образом, Грозный ставит себя "по ту сторону" христианского понимания добра и зла, оставляя его для проповеди, для иноков, священников и всех прочих, а сам предпочитает сообразовываться с обстоятельством и временем.

Итак, "опричь" христианского вероучения создавался христиано-подобный довесок с клеймом "царское христианство", открывающий широкий путь неограниченному царскому произволу и оправдывающий любую жестокость. Впасть земная отвергла власть небесную, переключив на свой лад учение Христа.

При таком подходе напрасным было бы искать во взглядах Грозного идею народного блага, ведь власть была целью, а не средством².

Я.С.Лурье замечает, что Грозный никогда и не думал, и не выступал за улучшение положения крестьян и против их закабаления (в его правление был прекращен крестьянский переход и введены заповедные годы), хотя даже публицисты консервативного толка (Иосиф Волоцкий, Максим Грек) считали своим долгом обратить внимание на тяжелое положение тех или иных групп крестьян.

В XVI веке в русском обществе никто, включая и Курбского, не подвергал сомнению самодержавие, так горячо отстаиваемое Грозным. Но это был период, когда полагались (во всяком случае на Западе) или могли полагаться пределы самодержавия в виде сословно-представительных выборных органов. В России этого не произошло по многим причинам: географическое положение, татарское "иго", особое место православия в тот период, состояние сословий и проч. Когда на Западе началась выработываться антимонархическая идеология, у нас в полную силу действовала инерция централизации.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: насколько убедительным, понятным и ярким выглядит в утверждении своих взглядов

² Ключевский В.О. указывает, что ни в одном памятнике Древней Руси вообще нет выражения «русский народ», оно, в силу сложности, ещё не давалось тогдашнему сознанию, не было и идеи служения народному благу хотя усвоена была мысль об ответственности перед отечеством.

Грозный, и как невнятные, аморфные идеалы государственного устройства у Курбского, так что ученые до сих пор не пришли к единому выводу: была ли у него своя концепция или ее не было, отражала ли она идеи сословно-представительной монархии или он ратовал за существующую в практике русского государства Боярскую думу.

Это лишний раз свидетельствует о том, с каким трудом усваивались в тогдашнем русском обществе представления об иных непривычных нормах устройства: представительная власть, сословный выборный орган или, не дай Бог, выборность царя. А ведь в соседней Польше все это уже обсуждалось и кое-что применялось на практике.

В письмах же Курбского мы находим лишь разбросанные по крупицам идеи о "естественном законе", о "справедливом суде и защите", "о свободном естестве человеческом", которые появляются уже только после того, как он провел некоторое время в Литве.

Боярско-княжеское сословие не способно было выработать в то время внятные политические идеи, ограничивающие самодержавие и тем более, реализовать их. Одна из причин тому – особые служебные отношения между царем и боярством, которые определялись местничеством. Положение любого боярина в иерархической лестнице определялось знатностью его рода. Царь мог выгнать боярина со службы, лишить его имения, но он не мог отменить того места, которое занимал боярин как представитель рода – и это было самым верным политическим правом русского боярина.

Курбский, лишь будучи вытолкнут из этой среды, стал восприимчив к новым политическим настроениям, хотя и в очень ограниченном виде.

Идея общественного блага и самодержца как защитника и делателя этого блага отчетливо впервые была высказана, пожалуй, Петром Великим: «Страдаю, а все за отечество! Желая ему полезное, но враги демонские пакости делают» [6 С. 13]. Благо отечества Петр ставил выше своей собственной жизни, не говоря уже о жизни своих подданных. И в этом благе отечества он видел нравственное оправдание своей жестокости и деспотизма.

Начиная с Ивана Грозного, красной нитью через сознание русских правителей, включая и советских, проходит идея о том, что сами самодержавные формы правления «согласуются с духом народа»³[7. С. 101].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поучение Владимира Монономаха. / Изборник. М., 1969.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. в 9-ти томах. Т. 1, М., 1987.
3. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981.
4. Лурье Я.С. Переписка Грозного с Курбским. / Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. в 9-ти томах. Т. 2.

³ Эти слова сказал Николай I маркизу де Кюстину.

6. Петр Великий в его изречениях. М., 1991.
7. Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. М., 1990.

Опубликовано: Вестник Кузбасского государственного технического университета, № 4, 2002, с. 74-79.